

Таричко И.Ю.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ: РЕТРОСПЕКТИВА И РЕАЛИИ

В статье освещаются проблемные вопросы теории уголовно-процессуальных функций как одного из важных направлений науки.

Проблема уголовно-процессуальных функций сегодня является интереснейшей и злободневной темой одноименного направления юридической науки. Своей многогранностью и теоретической ценностью она привлекает внимание ученых на протяжении не одного десятилетия. Научные исследования в данной области уголовного судопроизводства привели в середине XX века к формированию теории уголовно-процессуальных функций. Ее содержанием охватываются сегодня научные воззрения известных российских процессуалистов, касающиеся определения понятия уголовно-процессуальных функций, их количества, взаимосвязи с целями и задачами уголовного процесса, принципами, роли в формировании семьи участников уголовного судопроизводства, определении их места в расследовании и разрешении уголовного дела и др. Однако, как свидетельствуют источники, до сегодняшнего времени ученые так и не пришли к единому пониманию сущности большинства перечисленных категорий. Несмотря на достаточно обширное количество публикаций, по обозначенной теме нет комплексных научных разработок, характеризующих функциональное строение современного уголовного процесса.

Проводимая судебная реформа, ставшая результатом социальных и политических преобразований, преследует цель создания уголовно-процессуального законодательства, отвечающего потребностям современного общества и признанным международным стандартам в области прав человека. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости детальной проработки вопросов, связанных с функциональным содержанием уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, будет способствовать оптимальному построению уголовно-процессуального законодательства России.

Теория уголовно-процессуальных функций в основном сформировалась к моменту принятия УПК РСФСР 1960 года. Однако ее истоки были заложены еще Уставами Уголовного Судопроизводства императора Александра II. Проводимая им судебная реформа привнесла множество свежих идей, способствовавших развитию отечественного уголовно-процессуального законодательства. Одной из таких новелл явилась идея состязательности, выступающая в качестве метода организации судебного разбирательства, что привело в итоге к осознанию необходимости более четкого размежевания направлений деятельности в уголовном процессе. Именно в таком контексте описываются в трудах русских ученых процессуальные функции обвинения, защиты и разрешения уголовного иска по существу.

Так, С.И. Викторский, рассуждая о формах уголовного процесса, пишет: «Смешение процессуальных функций было полное, принцип разделения труда не имел никакого применения. Такой судебный порядок называется следственным или розыскным... Только по мере развития сознания о необходимости разделения труда следственное начало стало смягчаться и процесс стал переходить в форму состязательного, насколько это согласно с публичностью уголовного права» [1]. И.Я. Фойницкий, раскрывая природу состязательного порядка, отмечал: «Подобно тому, как в экономической жизни смешение труда по мере развития культуры сменяется в исторической преемственности порядком разделения труда, и в уголовном процессе с развитием государственной жизни вырабатываются особые органы для каждой процессуальной функции. Тогда... он становится состязательным; суду отводится строго определенная задача разрешения уголовного иска, предъявленного

обвинителем, действующим как самостоятельная в процессе сторона... Подсудимый, переставая быть лишь предметом исследования, равным образом становится стороной в деле, получая право на защиту в возможно широких размерах» [2].

О различных направлениях уголовно-процессуальной деятельности в свете состязательности писали также Н.Н. Полянский и В. Случевский. Анализ трудов известных русских процессуалистов с очевидностью свидетельствует о неразрывности принципа состязательности с четким размежеванием обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. По мысли ученых, такой союз лежит в основе уголовного процесса любого правового государства [3].

Тем не менее, рассуждая о прогрессивности состязательного начала и значимости разделения функций между основными участниками процесса, дореволюционные юристы не вдавались в исследование сущности категории «уголовно-процессуальные функции». В их трудах мы не найдем определения обозначенного правового феномена или попытки выявить функциональное содержание русского уголовного процесса, систему уголовно-процессуальных функций, взглянуть на данное явление через призму процессуальной деятельности участников.

Начало дискуссий по поводу наличия и четкого размежевания в советском уголовном процессе функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу современные исследователи связывают с именем М.А. Чельцова. Как отмечает А.П. Лобанов [4], высказанная дореволюционными юристами идея состязательного русского процесса, предполагающая существование трех основных процессуальных функций и их распределение между конкретными органами и лицами уголовного процесса, была воспринята советскими учеными, в том числе и М.А. Чельцовым [5]. Однако в середине XX века в научной юридической литературе появляются статьи М.А. Чельцова, С.А. Голунского и Л.Н. Гусева, ставящие под сомнение концепцию существования трех основных процессуальных функций [6]. Так, вскоре после принятия в 1958 году Ос-

нов уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик М.А. Чельцов первый выступил против существования в российском уголовном судопроизводстве функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, как свойственных только буржуазному уголовному процессу с его принципом состязательности [7, с. 6]. Данное ошибочное, на наш взгляд, понимание сущности всего уголовного процесса было вызвано рядом объективных причин.

Во-первых, содержание Основ уголовного судопроизводства, отказавшихся от категории стороны и предусмотревших единство задач всех органов государства, предполагало наличие обязанности доказывания события преступления и виновности лица, его совершившего, как у суда, так и у прокурора и следователя [7, с. 7]. Данное обстоятельство ставило под сомнение необходимую для состязательности непредвзятость органов расследования и формировало обвинительный уклон в деятельности суда. Кроме того, именно тогда, по нашему мнению, появились предпосылки для ошибочного понимания принципа полного, всестороннего, объективного исследования обстоятельств уголовного дела как несовместимого с принципом состязательности, что негативно сказалось на формировании концепции, а в конечном счете – на тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года. В этом смысле Основы уголовного судопроизводства «отбросили» отечественный уголовный процесс на 100 лет назад. Еще в середине XIX века при составлении судебных уставов соединенные департаменты законов и гражданских дел Государственного совета, обсуждавшие в 1862 году основные положения судебных преобразований, высказали неудовлетворительную оценку существующим законам, в соответствии с которыми обвинение и защита подозреваемых были возложены на следователей, прокуроров и суд [8]. В Курсе уголовного судопроизводства И.Я. Фойницкий приводит однозначную позицию департаментов по данному вопросу: «Обязанность непосредственно участвовать в возбуждении дел уголовных, а тем более в распоряжениях по розысканию преступлений

и преследованию виновных, очевидно несовместима с призывом суда. Вмешиваясь в начатие уголовных дел и разрешая или предписывая те или другие следственные действия, он может невольно составить себе вперед понятие о свойствах подлежащего следствию деяния или о вине заподозренного лица, а это легко может иметь влияние на мнение его при самом рассмотрении и решении дела... Вышеизложенные соображения приводят департаменты к убеждению, что: 1) власть обвинительная должна быть отделена от судебной; 2) власть судебную... следует предоставить судебным местам без всякого участия властей административных; 3) власть обвинительную, т. е. обнаружение преступлений и преследование виновных, необходимо предоставить прокурорам» [9].

Во-вторых, кризисы внешней политики того новейшего исторического периода жизни России, сохранение концепции неизбежности идеологической борьбы, стремление к победе социализма во всемирном масштабе [11] неизбежно влияли и на формирование внутригосударственной политики в стране. Вкупе с партийной идеологией данное обстоятельство привело к отрицанию ряда дореволюционных правовых категорий по причине их так называемой «буржуазности»¹.

Однако, несмотря на сложившуюся политическую обстановку и новые законодательные прерогативы, далеко не все процессуалисты поддержали, в этой части, позицию М.А. Чельцова, С.А. Голунского и Л.Н. Гусева. Более того, в юридической литературе высказывались многочисленные критические отзывы о высказанных ими соображениях [11]. Со временем российские процессуалисты пришли к необходимости распространить теорию уголовно-процессуальных функций на все уголовное судопроизводство, не ограничиваясь лишь окончательным (судебным) производством по уголовным делам. Стремление к более глубоким научным изысканиям в данной области теории уголовно-процессуального права привело к появлению различных подходов к проблеме уголовно-процессуальных функций.

Исследуя направления развития научных воззрений в данной области уголовно-процессуального процесса в период с 1917 по 1991 год, В.А. Чернышев выделяет два основных подхода к определению уголовно-процессуальных функций [12, с. 16-17]. Первое направление автор связывает с именами таких ученых, как М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткуллин, М.Л. Якуб, А.М. Ларин, В.П. Нажимов, Л.Д. Кокорев, и приходит к выводу, что представители московской школы указывают на задачи, установленные законом, как на систему ценностей, на которую ориентированы уголовно-процессуальные функции, возражая против подмены направлений в процессуальной деятельности самой деятельностью участников процесса, но допускают возможность объединения в сфере правового регулирования психологических процессов, происходящих в человеческом сознании, и внешнего, фактического поведения [12, с. 16]. Так, А.М. Ларин определяет процессуальные функции как виды (компоненты, части) уголовно-процессуальной деятельности, которые различаются по особым непосредственным целям, достигаемым в ходе производства по делу [13]. Представляется, что отождествление функций с частью процессуальной деятельности не вполне корректно. Вся уголовно-процессуальная деятельность складывается из процессуальных действий участников уголовного процесса, реализуемых ими в ходе осуществления прав, обязанностей, стремлений к удовлетворению законных интересов, и достижения целей в русле определенных направлений, т. е. функций. Это означает, что содержанием каждой уголовно-процессуальной функции является спектр процессуальных действий, осуществляемых участниками в рамках установленных законом полномочий. Таким образом, функция выступает основанием деления уголовно-процессуальной деятельности в целом, но никак не является при этом ее частью, компонентом.

Второе направление в учении об уголовно-процессуальных функциях, по мнению В.А. Чернышева, связано с исследованиями процессуалистов ленинградской школы пра-

¹ Так, наряду с состязательностью буржуазным долгое время считался и принцип презумпции невиновности.

ва. Суть его сводится к пониманию уголовно-процессуальных функций как функций участников уголовного процесса, представленных сочетанием трех элементов – направления деятельности, специального назначения участника и целей уголовного судопроизводства, а также процессуальной обязанности [14].

Небезынтересной, хотя и часто критикуемой, является в этом плане позиция П.С. Элькинд. Опираясь на предназначение деятельности отдельных субъектов, автор сделала вывод о том, что под уголовно-процессуальными функциями следует понимать определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников [15]. В зависимости от значимости процессуальной деятельности, осуществляемой тем или иным субъектом процесса, П.С. Элькинд разделила уголовно-процессуальные функции на основные, вспомогательные и побочные. Согласно ее теории, к первым отнесена деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда и защитника. Вспомогательные функции осуществляют свидетели, эксперты, переводчики, понятые и специалисты. Третья группа субъектов представлена гражданским истцом и гражданским ответчиком [16, с. 59-69]. Однако, при всей его внешней привлекательности, такой взгляд автора на систему уголовно-процессуальных функций отличается некоторой непродуманностью. В частности А.М. Ларин, критикуя позицию П.С. Элькинд, выделяет три момента, свидетельствующие, по его мнению, об упрощенном подходе. Во-первых, формирование первой группы функций было объяснено невозможностью производства по уголовному делу без деятельности обвинителя, защитника, а также судебного разбирательства и разрешения дела по существу [16, с. 66-67], что не соответствует действительности. А.М. Ларин указывает: «...предусмотренное законом прекращение уголовного дела на стадии расследования до привлечения кого-либо в качестве обвиняемого исключает и обвинение, и защиту, и рассмотрение, и разрешение дела судом... По уголовным делам частного об-

винения, как правило, не производится расследования» [17]. Во-вторых, отнесение свидетелей, экспертов и других участников к лицам, осуществляющим вспомогательную функцию по основанию ограниченного, частичного выражения ее в процессе, приведет к неполноте исследования обстоятельств уголовного дела [17]. И, наконец, мнение о второстепенности функций гражданского истца и ответчика также имеет свои существенные исключения [17]. Действительно, следует согласиться с аргументацией А.М. Ларина, критикующего такой подход. Кроме приведенных им замечаний можно отметить и то, что данная классификация не охватывает всю уголовно-процессуальную деятельность в рамках расследования уголовного дела, исключая из системы функций судебный контроль и прокурорский надзор. Помимо этого, приведенная система функций не дает четкого представления о деятельности ряда иных участников уголовного судопроизводства, вуалирует содержательное наполнение всего уголовного процесса.

В 1989 году создатели Курса советского уголовного процесса попытались разрешить противоречия, связанные со стремлением российских процессуалистов «уложить всю уголовно-процессуальную деятельность в прокрустово ложе трех функций – обвинения, защиты и разрешения дела» [18, с. 7]. Авторы поддерживают процессуалистов, считающих, что функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности не может ограничиваться содержанием трех традиционно выделяемых процессуальных функций. В этой связи Л.Б. Алексеева приходит к выводу о необходимости функционального анализа уголовно-процессуальной деятельности с обязательным учетом ряда методологических правил. Заключаются они в том, что анализу функций должна предшествовать тщательная интерпретация задач и целей уголовного судопроизводства, а также учитываться то, что в любой выделяемой системе функций должна четко прослеживаться связь между ними, поскольку функции всегда взаимосвязаны [18, с. 423]. Этот труд внес существенный вклад в развитие теории уголовно-процессуальных функций

еще и обоснованием необходимости включения в традиционную систему направлений уголовно-процессуальной деятельности воспитательно-профилактической функции.

В плане развития вышеобозначенной теории несомненный интерес представляют работы З.З. Зинатуллина и Т.З. Зинатуллина, где авторы предлагают свое видение проблемы уголовно-процессуальных функций в соответствии с современными достижениями российской уголовно-процессуальной науки и потребностями правоприменительной практики [19, с. 5]. Ученые разработали концептуально новый подход к оценке системы функций. В частности, они выделяют ряд генерирующих функций, в содержание которых входят различные виды процессуальной деятельности.

Так, обращая внимание на то, что «социальная ценность всего института уголовно-процессуальных функций заключается в способности отражать объективные запросы социальной жизни в сфере уголовного судопроизводства и служить успешному осуществлению определенного в ст. 6 УПК РФ его предназначения», ученые дают следующий перечень уголовно-процессуальных функций [19, с. 20], в который, в частности, входят:

1. Уголовное преследование, в качестве его составных частей выступает процессуальная деятельность по раскрытию преступления в ходе расследования уголовного дела, обвинению и изобличению обвиняемого в совершении преступления, а также возмещению потерпевшим причиненного преступлением вреда [19, с. 20].

Как представляется, термин «уголовное преследование» может употребляться в широком и в узком смысле. В широком его понимании данный термин означает деятельность всех правоохранительных органов (исключая суд) по достижению поставленных перед ними задач – начиная с оперативно-розыскных мероприятий и заканчивая деятельностью уголовно-исполнительных учреждений. Однако для определения уголовно-процессуальных функций, с учетом поставленных перед процессом задач, правильно

нее все же было бы понимать уголовное преследование как деятельность дознавателя, следователя, прокурора:

а) по собиранию доказательств, уличающих подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления или устанавливающих отягчающие вину обстоятельства, и

б) связанную с ограничением свободы и других прав личности в связи с расследованием.

Если посмотреть на данную деятельность с позиций ее узкого понимания, то следует добавить также, что осуществляется она «адресно» (т. е. возникает в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении конкретного лица, а не по факту совершения преступления) и непременно обуславливает необходимость реализации функции защиты [20]. Именно трактовка уголовного преследования в узком смысле может быть положена в основу содержания функции уголовного преследования.

Поскольку и уголовное преследование (в узком его понимании), и формирование прокурором обвинения проходят в рамках **расследования уголовного дела**, то именно последнее и должно рассматриваться в качестве **генерирующей функции** уголовного процесса. Данное направление деятельности (расследование уголовного дела) включает в себя:

а) доказывание (исследование обстоятельств дела);

б) уголовное преследование;

в) формирование обвинения;

г) обеспечение гражданского иска.

Указанные подфункции² осуществляются на стадии предварительного расследования преступлений, где имеют место лишь обоснованные подозрения, в том числе и в отношении факта причинения вреда и размера ущерба. В связи с этим вряд ли возможно включение собственно возмещения причиненного преступлением ущерба в состав функции расследования уголовного дела. Исключение могут составлять случаи добровольного возмещения обвиняемым причиненного вреда при одновременном согласии потерпевшего с суммой такого возмещения.

² В данном случае обозначенный термин используется для обозначения тех направлений деятельности, которые осуществляются в рамках определенной З.З. Зинатуллиним и Т.З. Зинатуллиним генерирующей функции расследования уголовного дела.

2. Охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, которая включает защиту прав и законных интересов лица, подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, реабилитацию необоснованно подвергшихся уголовному преследованию лиц, а также опровержение исковых претензий о возмещении вреда [21].

Указывая на то, что содержание функции защиты прав и законных интересов человека и гражданина проявляется в двух плоскостях, а именно: применительно к тем, кто привлекается к уголовной ответственности, и к тем, кто допускается в уголовный процесс для отстаивания своего интереса и восстановления нарушенных прав, авторы анализируемой монографии, как видно из приведенной в п. 2 формулировки, по нашему мнению, не вполне обоснованно игнорируют права лиц, потерпевших от преступления³.

Подобная формулировка функции кажется недостаточно корректной, поскольку она подменяет выдвинутые Конституцией РФ и законодателем новые ориентиры, своего рода «вехи», на которые должны опираться в своей деятельности все государственные органы. Статья 6 УПК РФ устанавливает в качестве назначения уголовного судопроизводства: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; 3) уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания; 4) отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитацию каждого, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию. Назначение в данном случае рассматривается

как «предназначение, предопределение» и означает что-то заранее определенное, намеченное для кого-то [22]. В этом смысле охрану прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности правильнее было бы рассматривать как исходную цель, задачу, ради которой функционирует вся система уголовного судопроизводства, а не как направление процессуальной деятельности участников процесса по «достижению его предназначения». Но дело даже не в степени корректности предлагаемой формулировки. Если и допустить наличие в уголовном процессе такой генерирующей функции, как охрана прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства, то неразрешенными оказываются, по крайней мере, два вопроса: а) почему данная функция не охватывает (по З.З. Зинатуллину и Т.З. Зинатуллину) деятельность по защите прав лиц и организаций, потерпевших от преступления, как этого требует ст. 6 УПК РФ⁴, и б) почему деятельность суда по реализации судебного контроля не входит в рамки данной генерирующей функции.

3. Осуществление правосудия путем разрешения обвинения по существу. Придерживаясь мнения о том, что правосудие и судебный контроль являются самостоятельными, отдельными функциями суда, авторы справедливо определяют функцию правосудия как уголовно-процессуальную функцию осуществления правосудия по уголовным делам, связывая ее только с разрешением их по существу для получения ответа на основной вопрос уголовного процесса, каковым является вопрос об уголовной ответственности лица за вменяемое ему в вину преступление [21, с. 168].

4. Воспитательно-профилактическая функция, включающая в себя воспитание

³ Так, И.Р. Кузуб выделяет из общей конституционной функции охраны прав и свобод человека функцию охраны прав и законных интересов лиц, которым инкриминируется совершение преступления. На наш взгляд, его позиция является последовательной в том отношении, что она не оставляет «за бортом» охрану прав и свобод потерпевшего, выделяя отдельно функцию охраны прав и законных интересов лиц, совершивших преступление. См. его: Уголовно-процессуальная функция охраны прав и законных интересов лиц, совершивших преступление: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2000. – 20 с.; Кудербаев Е.Ф., Отческая Т.И. Учение об уголовно-процессуальных функциях // Ученые записки: Сборник научных трудов Института государства и права. – Вып. 3. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2002. – С. 48.

⁴ О необходимости более детального законодательного урегулирования защиты прав лиц, потерпевших от преступления, см.: Алексеева, Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 7, 16-19; Божьев, В.П. Предпосылки усиления защиты прав и интересов потерпевшего в уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности. – Ижевск, 1989. – С. 52; Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений / Под ред. В.Д. Бойкова – М., 1997; Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – Волгоград, 1999. – С. 141-205.

граждан (в том числе и участников уголовного процесса по конкретному делу) в духе уважения и соблюдения нравственных и правовых норм, а также процессуальную деятельность по предупреждению преступлений⁵. В одной из своих работ А.М. Ларин указывает, что и суд и органы расследования всей своей деятельностью воспитывают граждан. «Трудно указать участок или сторону уголовно-процессуальной деятельности, которая не имела бы воспитательного значения. Объективность исследования обстоятельств дела, непредвзятость, справедливость решений, общая процессуальная культура – все это может и должно оказывать воспитательное нравственно-психологическое воздействие на граждан... Именно поэтому о функции воспитательного воздействия... можно говорить как об общей задаче расследования и судеб-

ного разбирательства в целом, но не как об отдельном направлении или виде процессуальной деятельности» [23].

Подводя итог сказанному, можно констатировать наличие в уголовно-процессуальной науке полноценной теории уголовно-процессуальных функций. Вместе с тем, несмотря на неослабевающий интерес ученых к одноименной уголовно-процессуальной сфере, отмечаем отсутствие исследований, направленных на дальнейшее развитие данной теории в контексте существенно изменившейся функционально-типологической модели уголовного процесса России. Большинство последних публикаций посвящены отдельным направлениям уголовно-процессуальной деятельности, что не дает целостной картины функционального содержания современного отечественного уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – С. 14-15.
2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. – СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. – С. 63.
3. Полянский, Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: Лекции. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – С. 70-74; Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – С. 65-67.
4. Лобанов, А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве. – Тверь, 1996. – С. 6.
5. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951. – С. 30-31.
6. Чельцов, М.А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию / Ученые записки ВЮЗИ. – М., 1958; Голунский, С.А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; Гусев, Л.Н. Процессуальное положение следователя в советском уголовном процессе. Вопросы судостроительства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР. – М., 1959.
7. Лобанов, А.П. Указ. соч.
8. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – С. 66.
9. Фойницкий, И.Я. Указ. соч. – С. 66-67.
10. История России: новейшее время (1945 -1999) / Под ред. А.Б. Безбородова. – М.: «Олимп», «Издательство АСТ», 2001. – С. 124.
11. См., напр.: Мотовиловкер, Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1976. – С. 6,8. Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде. – М., 1971. – С. 100-101; Строгович, М.С. Избранные труды. – М.: Наука, 1992. – Т.2. – С. 163-166. Об этом см. также: Азаров, В.А., Таричко, И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: Монография. – Омск: Омский гос. ун-т, 2004. – С. 189-190; Зинатуллин, З.З., Зинатуллин, Т.З. Уголовно-процессуальные функции. – С. 17; Ларин, А.М. Функции уголовного преследования и защиты в Российском судопроизводстве. – С.7; Халиулин, А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 14.
12. Чернышев, В.А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1999.
13. Ларин, А.М. Указ. соч. – С. 5.
14. Чернышев, В.А. Указ. соч. – С. 17.
15. Элькин, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л., 1963. – С. 54; Она же: К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. – Саратов: Саратовский ун-т, 1974. – С. 459.
16. Элькин, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права.
17. Ларин, А.М. Указ. соч. – С. 13.
18. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 7.
19. Зинатуллин, З.З., Зинатуллин, Т.З. Уголовно-процессуальные функции. – Ижевск, 2002.
20. Подробнее об уголовном преследовании см.: Володина, Л.М. Роль и задачи прокурора в уголовном процессе // Вестник ТГУ. – 2003. – №4. – С. 29-30; Лобанов, А.П. Указ. соч. – С. 13-31; Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Экзамен, 2003. – С. 47-62.
21. Зинатуллин, З.З., Зинатуллин, Т.З. Указ. соч. – С. 20.
22. Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1975. – С. 416.
23. Ларин, А.М. Указ. соч. – С. 10. Об этом также см.: Ликас, А.Л. Культура судебного процесса. – М., 1971; Подголин, Е.Е. Культура следственных действий. – Волгоград, 1978.

⁵ По поводу состояния правовой регламентации указанной уголовно-процессуальной функции у нас существуют критические соображения, но мы отстраняемся от ее анализа, поскольку данный вопрос прямо не связан с предметом нашего научного интереса. О воспитательно-профилактической функции см.: Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальные функции. – С. 81-92.